

Кудьбура. — 2001. — 6-19 Дек. — с. 9

Новое поколение выбирает Малера

Нынешний сезон “Молодая Россия” открыла Первой симфонией С.Рахманинова (18 октября). Юношеское сочинение, изобилующее длиннотами и далеко не совершенное по форме, потерпело провал на премьере (1897 год) из-за крайне неудачного исполнения (дирижировал А.К.Глазунов) и практически не звучит в наши дни. Волей Марка Горенштейна, сосредоточившего свое внимание на наиболее впечатляющих музыкальных высказываниях автора, как бы протянувшего незримую, но ясно ощущаемую нить к последней — Третьей симфонии Рахманинова, Первая превратилась в трагическое музыкальное полотно, будто лишенное всех недостатков, присущих ему. Да и есть ли они вообще? — думалось невольно в то время, когда переполненный Большой зал консерватории буквально сотрясали восторженные “браво” слушателей. Событие это нужно еще долго осмысливать, анализировать...

Через месяц после Рахманинова Марк Горенштейн со своим оркестром впервые давал Девятую симфонию Малера. Экзамен. Девятая симфония — знаковое для

автора сочинение: итог жизни...

Горенштейн подчеркивает все авторские намерения, задавая им обостренно трагический тон. В первой части — Анданте комодово — душевная боль и неистовые взрывы чувств звучат сильнее, нежели “островки” душевного покоя и любования земной красотой. Вторая часть — В темпе лендлера — развивается медленнее по сравнению с традицией, звучит жестко и тяжело: не как простонародный танец, но скорее как некое варварское шествие (Малер был провидцем и не мог не предчувствовать катаклизмов, которые вскоре грозили обрушиться на Европу — не за горами были 1914 и 1939 годы, обозначившие катастрофы века). Третья часть — Рондо — Бурлеска — у Горенштейна звучала как реакция на вторую. Трагический взрыв чувств, мыслей против всего нечеловеческого. Финал — итог размышлений, та даминанта, к которой устремлены все помыслы автора в Девятой симфонии: заключительный монолог о жизни и уходе из нее. Музыка светла, однако и полна сдержанной горечи: жизнь прекрасна, но конечна. Девяносто мину*

эта симфония у Горенштейна (эталонные западные образцы не превышают восьмидесяти минут). Медленные, сверхмедленные темпы удаются ему поразительно! Не востребованное в быту, но гложущее его стремление поведать о главном оборачивается в музыке обезоруживающей искренностью, исповедальностью. Чувственное напряжение не прерывается ни на секунду и, истаяв к концу, в версии Горенштейна придает катарсису оттенок неизбывной печали. В его трактовке я ощущаю сродство духа Девятой симфонии Малера с “космическими идеями” Скрябина, с бездонной и всепоглощающей печалью музыки Чайковского. Он проявляет себя в этом сочинении художником русской ментальности: ностальгия, смятенность чувств, душевная открытость. Оркестр играл на пике своих возможностей — и технологических, и духовных. Мне кажется, в этом исполнении зарождается российская традиция интерпретации Малера новым поколением отечественных дирижеров.